

— Тренер, что-то случилось? — Чжан Чи видел, что наставник все никак не решится заговорить, и, нахмурившись, решил спросить сам.

— У охраны оставили посылку. Принес какой-то странный человек, лица не разглядеть. Сказал, что передать нужно лично тебе. Сторож, дядя Лю, говорит, на нем была черная бейсболка, надвинутая на самые глаза, и черная маска. Видны были только глаза, и от них веяло чем-то неприятным. Словно под прицелом ядовитой змеи оказался, — голос тренера звучал тяжело; воспоминания, которые он старался похоронить, вновь начали беречь душу.

— Я схожу посмотрю, — Чжан Чи, напротив, оставался совершенно спокоен.

— Чжан Чи, ты в последнее время не замечал вокруг себя ничего странного? — тренер заглянул ему прямо в глаза и спросил с пугающей, почти надломленной серьезностью.

Взгляд Чжан Чи стал острым, глубоким, словно затягивающим в омут, и одновременно тихим, как перед бурей. Он прямо посмотрел на тренера и медленно произнес:

— Замечал.

— Что именно? Ты не пострадал? С тобой все в порядке? — услышав ответ, тренер едва не лишился чувств. Он начал судорожно ощупывать плечи юноши, осматривая его со всех сторон.

Чжан Чи был тронут таким участием. Он мягко перехватил руки тренера и тихо сказал:

— Все хорошо, это просто спам. Я уже заблокировал все номера.

— Разве можно так говорить? Это были домогательства? — тренер колебался, но все же задал этот вопрос.

— Да.

До самой сторожки они шли молча. Посылка — обычная картонная коробка — сиротливо лежала у входа. Тренер смотрел на нее, словно на дикого зверя, и его голос дрожал:

— Когда начали приходить эти сообщения?

— В тот вечер, когда мы уезжали в Пинчэн.

— Что? Ты... почему ты не сказал нам? Ты ведь еще совсем юн, не должен нести такой груз в одиночку! Тебе и так тяжело из-за соревнований, а тут еще этот мусор...

Сердце тренера сжималось от жалости. Почему такой замечательный, талантливый ребенок должен сталкиваться с подобным?

— Я сейчас открою, ничего страшного не будет.

— Может, лучше в общежитии? — тренер хотел было остановить его, но замялся.

— Не нужно, — Чжан Чи попросил у сторожа канцелярский нож и прямо здесь, у входа, вскрыл коробку. Внутри оказались его фотографии. Он вынимал их одну за другой: в столовой, в супермаркете, на прогулке, даже у входа в уборную. Все снимки были сделаны исподтишка, большинство размыты, но стоило ему выйти из тренировочного зала, как кто-то тут же ловил его в объектив с разных ракурсов.

На самом дне лежала фотография, сделанная вчера вечером: он после душа, обернутый полотенцем, вытирает волосы. Чжан Чи на мгновение задумался: такой ракурс возможен только из окна напротив, а там находится общежитие персонала.

Он перевернул снимок. На обороте было написано:

Малыш, я наконец дождался твоего совершеннолетия!

1 августа 1991 года.

Свой восемнадцатый день рождения Чжан Чи отметил неделю назад — в тот же день он впервые получил странное сообщение. А 1 августа 1991 года был его первым днем в национальной сборной!

Кто-то следил за ним с самого первого дня, наблюдал с грязными мыслями, фотографировал! Лицо Чжан Чи побелело. Он бросил снимки и, добежав до уборной, согнулся над раковиной в приступе тошноты.

Тренер, который не сводил с него глаз, бросился следом. Он собрал фотографии обратно в коробку, на ходу бросил пару слов сторожу и поспешил за юношей. Даже одного взгляда на эти снимки было достаточно, чтобы сломаться, что уж говорить о подростке.

В уборной он застал Чжан Чи бледным, как полотно. Тот вцепился в раковину так, что побелели костяшки пальцев, а на руках вздулись вены. В его глазах читались отвращение, усталость и безмерная печаль.

— Давайте заявим в полицию, тренер! Он следит за мной пять лет! Если это не прекратит, я боюсь, что это скажется на тренировках. Я готов на все, чтобы решить проблему! — Чжан Чи быстро взял себя в руки, в его взгляде снова проступили решимость и твердость.

— Мне нужно доложить тренерскому штабу и председателю Пану. Мы должны обсудить, как

действовать. Если неправильно подойти к этому делу, поползут грязные слухи. Ты еще так молод, твоя карьера только начинается, я не хочу, чтобы такое пятно легло на твое будущее!

— Я не боюсь! Никто не даст гарантии, что нет других жертв. Мы не можем позволить такому человеку оставаться здесь! — Чжан Чи был непреклонен. Он думал не только о себе, но и о других.

— Хорошо. Пойдем к председателю Пану.

Они вышли из уборной. Чжан Чи позвонил председателю, чтобы узнать, когда можно подойти. Получив приглашение, они немедленно направились в кабинет.

Они не знали, что совсем рядом, за стеной, стоит человек, который слышал каждое их слово.

В тени он не сводил глаз со спины уходящего Чжан Чи. На его мрачном лице появилась жестокая усмешка — словно ядовитая змея, выползшая из сточной канавы, присмотрела себе добычу.

Чжан Чи, раз ты не хочешь по-хорошему, не вини меня, если я перейду к крайним мерам!

Когда силуэт Чжан Чи скрылся из виду, из угла вышел Цзи Хуаньлан, специалист по физической подготовке из вспомогательной команды. Кто бы мог подумать, что этот вежливый, скромный и обходительный человек втайне одержим мальчишеской до такой степени, что это стало формой безумия.

Чжан Чи был не первым, кто привлек его внимание, но именно в него он вложил больше всего сил. И Чжан Чи был того стоил.

С первой же встречи кровь в жилах Цзи Хуаньлана закипела. Все прежние увлечения казались блеклыми по сравнению с этим юношей. Раньше люди сами падали к нему в постель, стоило лишь поманить пальцем — это было до тошноты скучно. А вот добиться такого, как Чжан Чи, — это настоящий вызов.

Он мог годами молча оберегать его, помогать, отвечать на нападки в сети. Наблюдать, как тот превращается в ослепительную звезду.

Хотя они работали в одной команде, он не мог позволить себе открыто приблизиться к Чжан Чи. Редкие моменты, когда ему удавалось давать советы по восстановлению, приводили его в такое возбуждение, что он не мог уснуть всю ночь, фантазируя о нем.

Пять лет ожидания — только ради того, чтобы дождаться совершеннолетия, а потом сорвать этот плод и смаковать его.

Он отвел взгляд и вышел на солнце, подавляя свои уродливые, искаженные желания. Через мгновение он снова стал тем самым мягким и внимательным специалистом.

Он шел среди людей, улыбаясь знакомым, пообедал в столовой с коллегой, купил напиток в магазине и, покинув тренировочную базу, пешком отправился на свою съемную квартиру.

Кто бы мог подумать, что он снял жилье прямо рядом с общежитием? Квартира была идеальна: из окна было видно окно Чжан Чи. Если тот забывал задернуть шторы, он мог видеть, как юноша выходит из душа — это были лучшие моменты его дня.

Стоило запереть дверь, как его лицо переменялось. Мрак, жестокость и насилие вырвались наружу. Он не скрываясь сорвал с себя одежду и прошел в ванную.

Она была спроектирована специально для Чжан Чи: стены были увешаны его фотографиями со всех ракурсов. Здесь же хранились мелкие вещицы, украденные у юноши. Именно здесь он удовлетворял свои извращенные потребности.

У него была жена и ребенок, которые жили отдельно. Его семейная жизнь была лишь фасадом — выгодный брак ради интересов клана. На заставке телефона — счастливое семейное фото, он часто рассказывал о ребенке, созванивался по видеосвязи, создавая образ примерного мужа и отца. Кто бы мог подумать, что все это лишь защитная маска?

Когда Цзи Хуаньлан вышел из ванной, было уже два тридцать. Пора на работу. Все было готово, оставалось только дожидаться подходящего момента. Он не спешил. Он ждал пять лет, подождет еще немного.

<http://bllate.org/book/22252/2327807>